

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ОТЦА*

Когда умирает ученый,
умирает целый мир.
Восточная мудрость.

Судьба не дала ему времени оглянуться назад. Он умер, как горная птица в полете, когда внезапная стрела в сердце переворачивает мир. Последнее, что он мог увидеть, умирая, был потолок его лаборатории. . .

Но судьба подарила ему счастье быть первым: вожак молодежи в своем родном селе; ведущий советский биохимик, стоявший у истоков молекулярной биологии; один из первых в новой науке — космической биологии; первый советский человек, который возглавил крупнейшее международное собрание — Генеральную конференцию ЮНЕСКО. . .

«Когда умирает ученый, умирает целый мир. . .»

Мир идей и размышлений; мир не родившихся еще теорий и готовых родиться гипотез; мир только ему присущих мыслей, которые не успели стать мыслями многих. Умирает мир ученого — полный ясных и точных представлений о нашем большом мире, полный гениальных, но смутных догадок, а порой и заблуждений. И это — как закон жизни — необратимо. . .

Научные труды и высказанные идеи остаются, остаются последователи и ученики, но неповторим жизненный путь человека и облик его. Его голос, интонации, его улыбку и характерный поворот головы, и то, как он радовался или сердился, и рассказывал о памятных днях своей жизни — все это трудно разглядеть за строгими фразами научных статей. Но облик человека хранит память людей, знавших его.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ. . .

Папа родился 25 января (по новому стилю) 1907 г. в армянском селе Аштарак. В 1963 г. Аштарак стал городом и районным центром. Этот город и его окрестности широко известны, и не только в Армении. Эчмиадзин — столица Армянской апостольской церкви,

---

* Академик Норайр Мартirosович Сисакян. На путях к населенному Космосу: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 138–153.

небольшой город, где в 301 г. произошло крещение Армении и были построены первые христианские храмы. Здесь же по сей день расположена резиденция Католикоса всех армян. Один из католикосов, Нерсес Аштаракеци, родом из Аштарака, был крупным общественным деятелем в начале XIX в. Он инициировал и благословил присоединение Восточной Армении к России, что было историческим и озоаннным событием, спасшим армян от османского ига.

В нескольких километрах от Аштарака живописно расположено село Ошакан, где жил и был похоронен великий просветитель, автор современного армянского алфавита Месроп Маштоц. Часовня с его могилой в Ошакане является одним из наиболее посещаемых мест в Армении.

Среднее образование папа получил только к двадцати годам в Ошакане и Эчмиадзине, так как в Аштараке была только начальная церковно-приходская школа, где он учился с 1914 по 1916 г.

В XIX в. Аштарак подарил Армении великого писателя-сатирика Перча Прошьяна. Пьесы, поставленные по его произведениям, до сих пор не сходят со сцен театров Армении. Он был писателем, остро чувствующим социальные проблемы общества. Его сын, Прош Прошьян, был одним из лидеров левых эсеров, соратником Марии Спиридоновой. Он внезапно умер вскоре после эсеровского мятежа 6 июля 1918 г. В Аштараке родился и другой известный революционер, Григор Григорян. Аштаракская земля дала много ярких имен поэтов, писателей, артистов, ученых. Среди них Смбат Шахазиз — крупнейший поэт прошлого века; Георг Додохан — автор популярной песни «Цицернак»; Геворг Эмин — поэт, лауреат Государственных премий СССР; Вартгез Петросян — писатель, многолетний руководитель Союза писателей Армении (убит в 1994 г. в подъезде дома, где он жил); Вагаршак Маргуни — народный артист республики; Григор Капанцян — академик, ученик и последователь лингвиста-востоковеда Н. Марра. . .

Аштаракский район сегодня вместил в себя и знаменитую Бюраканскую обсерваторию, и Нор-Амбертскую станцию космических лучей Ереванского физического института, несколько институтов Академии наук Армении, Армянскую атомную электростанцию. Здесь многие годы работали крупные ученые: Виктор Амбарцумян (умер и похоронен в Бюракане в августе 1996 г.), братья Алиханян и другие видные деятели науки.

Есть и еще одно важное обстоятельство, почему Аштарак является историческим местом в Армении. Это многовековая традиция виноградарства и виноделия, которая развивается в тяжелейших ландшафтных условиях: Аштарак и его окрестности — это страна камня. Однако прекрасные сухие вина и коньяки, лучший армянский херес с незапамятных времен обязаны своим рождением аштаракской земле. Аштарак, Эчмиадзин, Ошакан — этикетки с такими названиями мож-

но встретить на бутылках с марочными винами. Следует заметить, что аштаракцы известны в Армении как большие любители шуток и розыгрышей, носители традиций народного юмора.

Как капля воды несет в себе все химические свойства Мирового океана, так и в отдельной семье часто фокусируются элементы истории и традиции родного края.

Мартiros Сисакян — отец Норайра — был главой большой и уважаемой в Аштараке семьи; как и его предки, он был виноделом и владел крепким хозяйством. Он родился в середине XIX в. (1849 г.), прожил долгую трудовую жизнь и умер в 1932 г. в городе Ленинакане, где жил последние годы в семье младшей дочери Марии. Мать Норайра, Сатеник, была почти на 25 лет моложе своего мужа. Она занималась домашним хозяйством, воспитывала многочисленных детей, была женщиной умной, с которой часто советовались односельчане. Умерла рано, в возрасте 45 лет, в тяжелый голодный 1920 г. Их брак с Мартirosом был вторым как для него, так и для нее. Общих детей было трое — Ашот, Норайр и Мария. Среди старших детей — Арутюн был поэтом, умер в юношеском возрасте; Шаварш — юристом, дожил до глубокой старости и умер в Ереване в 1957 г.; старшая сестра Вартуи тоже прожила большую жизнь, умерла в конце 50-х годов. Она была женой внезапно разбогатевшего аштаракца Арамяна, получившего наследство от своего дяди Смба́та Шахазиза.

По свидетельству Вартуи, дед Мартirosа, Тер-Ованес, был священнослужителем. Она также любила рассказывать историю о том, что семья аштаракских Сисакянов берет свое начало от разорившихся сюнийских князей, род которых известен с VI в. Наиболее известны братья Сисакян, которые были сподвижниками Геворга Марзпетуни — полководца времен Тиграна Великого. Однако никаких доказательств подлинности этой версии не существует. Упоминание о князьях Сисакян можно найти в известном историческом романе Мурацана «Геворг Марзпетуни».

Ашот был одним из руководителей Аштаракского совета в 30-е годы, расстрелян в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1957 г. Его семья (дочь, два сына и внуки) живут и работают в Аштараке*. Папина сестра Мария была мастером на ткацком производстве, избиралась депутатом Верховного Совета Армении, умерла в 1986 г. Ее дети и внуки живут и работают в Ереване**.

А теперь несколько слов о семейных научных традициях, о папиных продолжателях. . .

---

* Сыновья Ашота — Сейран и Гагик и дочь Сатеник умерли на рубеже XX в.

** Сыновья Марии — Роберт и Альберт умерли в 2002 г., дочь Тамара со своей дочерью Марией живет в Ереване.

Мама наша тоже была научным работником-агрохимиком, работала в ВИУАА*. Соседка по коммунальной квартире часто говорила: «Варя, когда же ты напишешь диссертацию?» А та ей отвечала, показывая на детей: «Да вот они, три мои диссертации, бегают!»

И мама оказалась права. Иосиф, Людмила и Алексей принесли шесть диссертаций, а всего в нашей большой семье было защищено их целых двенадцать. Семья Сисакяна дала более 1200 научных работ и более 100 диссертаций учеников.

Людмила — доктор филологических наук, руководитель научного центра в Институте славяноведения и балканистики РАН. Ее муж, Ю. А. Будагов, известный ученый-физик, профессор.

Особо хочется вспомнить об Ивочке — Иосифе Нораировиче, который безвременно ушел из жизни в 1995 г. в возрасте 57 лет.

«Профессор школы Физического института АН СССР Иосиф Нораирович был активным и разносторонним ученым, одним из создателей и идеологов компьютерной оптики, известным специалистом в области лазерной физики, вычислительной техники, научного приборостроения. Он многого достиг в науке, свидетельством чему стала Государственная премия России за 1992 год» (журнал «Лазер-Информ», № 84, ноябрь 1995 г.).

Государственную премию он получил за приборы для новой космической техники (тоже традиция отца).

... Мама и папа для нас, их детей, были и остаются самым высоким жизненным примером...

ЭПИЗОД ИЗ ДЕТСТВА

... Папа жил в небольшом селении Аштарак, в далекой стране горного камня и холодных прозрачных озер...

Как-то он в доме своего друга Вагаршака Маргуни (будущего народного артиста республики) получил в подарок книгу Дарвина. Она захватила воображение мальчика. Может быть, это было первым толчком к пробуждению его любознательности...

Как и все его сверстники, он помогал отцу работать в саду и в поле и был озорником. Как-то с другом забрели в церковь. Это было самое большое в селе сооружение, торжественное и величественное, но в нем обитал священник, толстый и важный, как индюк. Часто Норику и его маленьким товарищам попадало от него за шалости, да и просто так. В тот день священник с довольным видом распевал свои молитвы, перед ним тянулись ряды сосредоточенно бормочущих жен-

---

* Всесоюзный институт удобрений, агрохимии, агропочвоведения. —
Примеч. ред.

пчин. Они стояли на коленях, и их длинные черные платья казались примерзшими к каменному полу.

Вдруг Норик ухватила озорная мысль. Вмиг был найден друг-союзник, Татевос. И вот ребята уже ползают между рядами и черными суровыми нитками, взятыми у знакомого портняжки-ровесника, сшивают платья молящихся женщин. Время от времени, для маскировки, они останавливаются и делают вид, что тоже молятся. Священник сердито поглядывает на ребят, но ничего подозрительного не замечает. Он даже как будто доволен. Думает, наверно: «Наконец-то эти сорванцы обратились к Богу». Но на всякий случай грозит им пальцем. Женщины ворчат: «И помолиться-то спокойно не дадут эти “уимбазы”^{*}». Но вот и делу конец. Более осторожный, старший по возрасту на 2–3 года, Татевос удирает, а Норик прячется в церкви, чтобы взглянуть на лицо священника, выражающее ужас, когда он увидит, что женщины пришиты друг к другу. И он слышит шум и крики о каре Божьей. Норика замечают. Священник догадывается об истинных причинах внезапной религиозности сорванцов, и Норика постигает «кара Божья» в лице церковного сторожа.

Разве могли знать они, что этот маленький, полуграмотный армянский паренек, хотя и в 16 лет, но научится писать и считать, а через несколько лет скажет: очень хочется учиться. . .

Разве знали они, что гонятся за маленьким сорванцом по той самой улице, которая в будущем будет носить его имя, имя академика Норайра Сисакяна?

А. Н. БАХ

«Когда я мысленно перебираю своих молодых сотрудников, перечисляю их успехи и достижения, я ощущаю радостное удовлетворение: отличная есть у нас молодежь. У меня работает аспирант Сисакян». Это строки из записок основателя отечественной биохимии — академика А. Н. Баха. Записки относятся к 1935–1936 гг. Алексей Николаевич уже тогда был глубоким стариком (ему было почти восемьдесят лет). Норайр Мартиросович Сисакян был младше своего учителя на полвека.

Они познакомились в начале 1935 г. на заседании Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. Сисакян делал доклад о значении фосфорной кислоты в углеводном обмене сахарной свеклы. Через два дня после этого А. Н. Бах пригласил молодого коллегу в аспирантуру вновь созданного Института биохимии Академии наук СССР.

Тогда и началась их дружба — дружба юноши и старика, которых объединяла великая сила: любовь и преданность Науке.

---

^{*} Сорванцы (арм.).

Их тянуло друг к другу. Каждого по-своему. Молодого ученого привлекал мудрый и светлый ум замечательного старика, его опыт, энциклопедические знания. Академик Бах видел в Сисакяне своего сына по науке, свою молодость.

Незадолго до смерти Алексей Николаевич писал: «Я люблю беседовать с Сисакяном. Меня увлекают его стремительность и быстрота. Это трепещущий человек с учащенным пульсом. . . »

Прошло много лет. А. Н. Бах и после смерти не ушел из жизни и научной судьбы своего ученика. Он остался жить в мыслях и разговорах. Память о нем бережно хранилась. Куда бы вы ни пришли к Сисакяну — в институт, в президиум АН или домой, — вы увидели бы рядом с ним академика Баха: над письменным столом его большой портрет, на столе книги Баха и о Бахе.

Сыновьям и ученикам Сисакян не раз говорил: «Своими достижениями я во многом обязан Алексею Николаевичу. Он научил меня видеть главное в научном поиске. У меня есть знакомые, которые по своим способностям стояли очень высоко, но сейчас в их работах видны крупные просчеты из-за недостатков научной школы. Для будущего ученого хорошая научная школа, пожалуй, самое главное!»

И дальше Норайр Мартиросович часто рассказывал: «Алексей Николаевич Бах был очень строг и требователен к своим сотрудникам. У нас с ним произошел спор по поводу названия моей будущей докторской. Алексей Николаевич не уступал, а я был молод и горяч и как-то прямо спросил его, что, очевидно, такую его требовательность и настойчивость следует понимать как желание со мной расстаться. Он ответил: “Если бы мне не было дорого все, что связано с твоей будущей научной работой, мне, может быть, было совершенно безразлично название твоей диссертации”».

. . . Норайр Мартиросович учился у Баха быть учителем. Строгость и требовательность к себе и ученикам, человеческое внимание к творчеству и к судьбе молодых — основные принципы Сисакяна. И «внуки» Баха росли влюбленными в науку о жизни, в прекрасную науку БИОХИМИЮ.

Этот короткий рассказ об учителе и ученике хочется закончить словами Сисакяна о Бахе, которые сегодня с полным правом можно отнести и к нему самому: «Когда я думаю о жизненном пути Алексея Николаевича Баха, мне часто приходит в голову сравнение его многогранного облика — революционера, выдающегося общественного деятеля и одного из замечательных людей нашей науки — с большим художественным полотном, которое трудно понять и оценить на близком расстоянии, потому что и мы, близко с ним соприкасавшиеся долгие годы его ученики и сотрудники, не могли, конечно, его полностью понять и оценить. . . К сожалению, в жизни такое отдаление является необратимым».

ЮНЕСКО

Норайр Мартиросович Сисакян был человеком, общение с которым обогачало. В разговоре он не избегал ярких и образных выражений, но вместе с тем не был многословным. Простота, находчивость, внимание к народным обычаям, юмор позволяли ему одинаково быстро находить общий язык как со школьниками, так и с губернатором далекой страны.

Все эти качества, а также большое личное обаяние и доброта к людям не раз помогали установлению дружеских отношений между советскими и зарубежными учеными, потому что только общение, согретое сердечной теплотой, ценится людьми независимо от их положения. Несколько ярких примеров приведено в книге Андрея Львовича Курсанова*.

Последние 10 лет жизни Норайра Мартиросовича были тесно связаны с ЮНЕСКО. На заседании Исполкома этой организации шла дискуссия. Только что закончил свое выступление советский представитель. Образная речь «русского профессора», аргументированные «русские предложения», направленные на укрепление мира, по-разному действовали на членов Исполнительного совета. Посланец восточной страны** в яркой национальной одежде одобрительно кивал головой. (Это он через несколько лет, когда ему предложат в противовес советской кандидатуре на пост Председателя Генеральной конференции выставить свою кандидатуру, скажет: «Кандидатура академика Сисакяна — это моя, это наша кандидатура».)

Представитель Польши встретился глазами с только что выступившим, и по жестам и выражению лица можно было понять, что он поздравляет его с успехом.

Американский представитель*** (англичанин по происхождению) — невозмутим. Выждав, когда пройдет оживление, он берет слово. «Если пользоваться биологическим термином, — заканчивает он свое краткое выступление, — русская программа является “недоношенной”!» И с выражением победителя садится на место.

Многие оборачиваются на советского профессора: может быть, сегодня они увидят растерянность на его лице. В ответ нельзя молчать. Как бы ни были разумны твои предложения, порой остроумная реплика соперника может перечеркнуть все усилия. Как нужно сейчас привлечь сидящих здесь людей на свою сторону! Трудно сказать, подумал ли об этом Сисакян, скорее всего, нет. Но факт в том, что, повернувшись к американцу, он сказал: «Господа, разрешите вам

---

* А. Л. Курсанов. По Франции и Западной Африке. М., 1956.

** Индира Ганди.

*** Сенатор Бентон.

напомнить, что Ньютон тоже родился недоношенным, он появился на свет семимесячным, но это не помешало ему быть великим».

... После голосования выяснилось, что советскую программу поддержало большинство.

СЛУЧАЙ

Произошло это в Париже в то тревожное для французов время, когда тенью на мирные мостовые легли три буквы ОАС*.

Один из друзей Сисакяна по работе в ЮНЕСКО организовал воскресную прогулку в пригородный лес Парижа. День был теплый и солнечный. Шла весна 1964 г. Кортёж из нескольких машин замедлил ход около поворота на просторную поляну, где было решено остановиться. Пока шли приготовления к пикнику, Сисакян, увлеченный маленькими тайнами весеннего леса, пошел по узенькой тропке в ту сторону, где, как ему показалось, должно было проходить главное шоссе. То, что это шоссе долго не обнаруживало себя, поначалу его ни капли не смущало. Все было ново. Радость от того, что можно, наконец, встряхнуться от напряженной и утомительной работы, близкие голоса друзей — все это успокаивало, и было лишним запоминать обратную дорогу.

Сисакян шел, улыбался, о чем-то думал. Может быть, вспоминал о Москве, о своей Варюше, о ребятах, мечтал, как через несколько недель он снова окажется дома и как, выбрав свободное воскресенье, они всей семьей махнут на дачу и будут жарить шашлык.

А может быть, даже скорее всего, он думал о своих делах. Но солнечный день придавал сил, и поэтому они не представлялись сегодня сложными, трудноисполнимыми. Все казалось радостным, легким, все было по плечу.

Неожиданно Сисакян поймал себя на мысли, что он уже не слышит голосов, что он сбился с тропки и шагает по мокрым прошлогодним листьям. Приложив руку ко рту, он крикнул, но ответа не было.

Крикнул еще и еще...

Судя по солнцу, прошло уже несколько часов, но плутания по лесу ни к чему не привели. Страшно захотелось есть. Весь комизм или трагизм положения заключался в том, что сегодня вечером он, Сисакян, устраивал прием. Возможно, гости уже съезжаются, а «хозяин» бродит где-то в нескольких милях от Парижа и никак не может выбраться из бесконечного лабиринта деревьев. Успокаивало только то, что Париж был близко, да и должны же быть где-то поблизости населенные пункты. И надежды оправдались. Сисакян услышал голоса людей и сквозь чащу деревьев разглядел подводу. Он рванул по

---

* ОАС — террористическая организация, действовавшая во Франции в начале 1960-х годов.

прямой через кусты, боясь потерять из виду тех, кто должны были стать его спасителями. Но каково же было его недоумение, когда он увидел, что люди, заметив его, стали что-то испуганно кричать и сильнее погонять лошадь и та все дальше и дальше уходила от него вместе с подводой и «экипажем».

Оставалось только одно — ждать. Сисакян устроился у обочины лесной дороги. Усталость от многочасовой ходьбы давала о себе знать. Немного отдохнув, он решил идти по дороге — должна же она вывести его к какому-нибудь жилью! Шел долго, лес начал редеть, показалось поле и — о радость! — увидел людей. Их было двое — мужчина и женщина. Судя по одежде — крестьяне. Подойдя поближе, Сисакян окликнул их. Оба вздрогнули, обернулись и неожиданно подняли руки вверх. Нораир Мартиросович тоже растерялся, а от растерянности французские слова никак не связывались в необходимую фразу.

«Почему вы испугались? Я советский профессор», — произнес, наконец, Сисакян, подозревая, что его за кого-то приняли. Испуганные крестьяне переглянулись и заулыбались дружелюбно.

Оказывается, в этой местности орудовали банды оасовцев и крестьяне приняли незнакомого человека за одного из них.

В эти минуты комиссар полиции отдал распоряжение начать поиск пропавшего советского академика.

НЕПИСАНЫЙ ЗАКОН

Академик Сергей Васильевич Дурмишидзе:

«Беседовать о дружбе всегда приятно, тем более, когда хочешь рассказать о человеке очень для тебя дорогим, хочешь сообщить о его качествах, высокой гражданственности и большой сердечности и поделиться воспоминаниями с теми, которые его не видели и в дальнейшем никогда не увидят.

Моего большого друга, академика Нораира Сисакяна, уже нет среди нас, но настолько теплый, настолько глубокий след оставил он в моей жизни, что пусть не обидятся мои старые друзья, которые, как говорится, для меня дороже жизни, если сегодня я расскажу не о них, а об ушедшем от нас человеке.

Академик Нораир Сисакян, сын армянского народа, помимо огромного таланта, действительно был награжден необыкновенной добросердечностью, тем большим чувством к ближнему, о котором бессмертный Руставели поет вечными словами:

Для друга друг никогда не уклонится от беды,
Сердце отдаст и любовь, чтоб помочь ему
Преодолеть опасности жизненной дороги. . .

Да, в беде проверенным товарищем был Нораир, много раз помогал другу, испытывающему трудности, и много раз для друга брал

на себя такую ответственность, которая граничила с самопожертвованием.

Это было в 1949–1951 годах. Тогда я работал в Институте биохимии им. А. Н. Баха. Дела пошли таким образом, что необходимо было успеть провести множество экспериментов в очень короткое время. Некоторые из них длились непрерывно в течение 24–48 часов. Мне необходимо было работать и по ночам, однако в тот период, когда наша страна вела напряженные послевоенные восстановительные работы, когда каждый труженик берег государственную копейку, энергию, топливо, было запрещено после семи часов вечера научным работникам находиться в здании института.

Норайр Сисакян работал заместителем директора и лично нес полную ответственность за работу института. Его директор, академик Александр Опарин, не вмешивался в решение многих дел.

Когда о моих затруднениях стало известно Норайру, он попытался получить официальное разрешение, чтобы я и по ночам находился в лаборатории, однако ему в этом отказали, так как, если даже один человек работал бы ночью, во всем здании требовалось держать включенным освещение, водопровод и технический ток.

Отказ озадачил Норайра. Драгоценное время шло, и я уже не успевал сделать то, что было обязательно для научного исследования. Через несколько дней Норайр зашел в мою рабочую комнату и сказал:

— Для друзей ведь существует неписанный закон о том, чтобы в случае беды друг ради друга жертвовал собой?

— Ну и что отсюда?

— То, что с сегодняшнего дня можешь работать и днем, и ночью.

Он взял на себя очень большую моральную, материальную, государственную ответственность.

С того дня я смело начал проводить продолжительные опыты, и они внесли много нового в мои научные исследования.

Многочисленному коллективу института скоро стало известно о решении Сисакяна. Многие были удивлены и спрашивали: «Да, но зачем стал Норайр ни с того ни с сего создавать для себя такие трудности? Почему поставил на карту свое положение и должность?»

Об этом несколько раз говорили и лично Норайру, но он всегда отвечал с улыбкой: «Друзья, помимо писаных правил существует еще и неписаное... и это — дружба грузинского и армянского народов».

Самоотверженный, преданный, сердечный, большой ученый и гражданин — таким был Норайр Сисакян, таким он и остался для меня, для всех, кто его знал, кто имел с ним хоть какое-то дело*.

---

* *Дурмишидзе С. В.* Эпизоды прошлого. Тбилиси, 1985. С. 246–247. Перевод А. Н. Квинихидзе.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

... Но его успехи не были легкими. Один из наиболее напряженных моментов — борьба крайних позиций в биологической науке. Ареной этой борьбы стало Отделение биологических наук АН СССР, которое Н. М. Сисакян возглавлял несколько лет. Нелегко ему приходилось и до назначения на пост академика-секретаря. Многие годы как заместитель главного ученого секретаря он нес ответственность за судьбу биологии в «Большой Академии».

... Конец 50-х годов. Дождливый ноябрьский день, освещенный алыми транспарантами демонстрации, плывущей по Красной площади. Мы стоим с отцом на одной из трибун слева от Мавзолея В. И. Ленина. Увлеченный праздничным шествием, я вдруг вздрагиваю, услышав совсем рядом сильно перевернутое: «Норайр Мартирозович?» Голос негромкий, слегка скрипучий, но твердый.

— Приветствую Вас, Трофим Денисович.

— Что это Вы там такое понаписали в проекте постановления по биологии?

— Мы тщательно обсуждали проект в Биоотделении, советовались с химиками и медиками. Александр Васильевич* и Александр Николаевич** тоже одобрили наши предложения. Да и Ваше письмо мы учли...

— Нет, нет — совсем не то. Вредный проект. Я буду жаловаться.

— Это Ваше право, но те направления, против которых Вы возражали, не могут быть исключены. Они жизненно необходимы в связи с начавшимися медицинскими и биологическими опытами на спутниках...

Сухонький невысокий человек резким движением поправил свою большую кепку. Трудно было понять, что это — жест прощания или признак нервозности. Однако лицо, хорошо знакомое по портретам из школьных учебников биологии, не дрогнуло и продолжало выражать уверенность, присущую сильным и одержимым людям.

Домой отец и я шли, как обычно, пешком через Малокаменный мост, Якиманку, через Калужскую площадь — и так до дома № 13 на Большой Калужской улице. Теперь это Ленинский проспект, известный всему миру как магистраль науки, дорога космонавтов. Здесь же, недалеко от нашего дома, была папина работа. В доме № 14 располагался президиум АН СССР, а в доме № 33 — Институт биохимии, где он проработал тридцать лет, где и умер внезапно 12 марта 1966 г. за письменным столом своего кабинета, работая над статьей о роли биохимии в медицине. Когда я проезжаю мимо этого дома, всегда ста-

* Александр Васильевич Топчиев — главный ученый секретарь АН СССР.

** Александр Николаевич Несмеянов — президент АН СССР.

раюсь сквозь гущу деревьев различить светлое пятно мемориальной доски, установленной в память об отце.

... Вернемся мысленно опять в тот ноябрьский день, когда долго молча мы шли с отцом через празднично оживленный город. Он шел широким, но не тяжелым шагом, характерно нахмутив брови и заведя руки назад. По сосредоточенному выражению лица я догадывался, что мысли его — продолжение того разговора. Он настолько был поглощен ими, что, казалось, забыл про меня. Через несколько шагов я понял, что это не совсем так:

— Мой маршал, ты совсем замерз...

Папа часто так шутливо обращался ко мне и к брату. Обычно это обращение наполеоновских времен предшествовало нашему с папой серьезному разговору о жизни, о его работе, нашей учебе. Думаю, что оно как бы подчеркивало в нас не только детей, но и помощников, соратников. И разговоры наши были похожи, скорее, на беседы размышляющих вслух друзей.

«Ты говоришь, что хочешь стать ученым. Мне бы очень хотелось, чтобы ты с самого начала понял, что в науке любая гипотеза имеет право на жизнь. И только в развитии и сопоставлении с опытом порой через многие годы идея доказывает свою правоту или ошибочность... Люди, которые не понимают этого, не способны воспринимать новое и часто тормозят движение вперед, мешая другим работать и доказывать научную состоятельность их направления. И такая борьба в науке становится несправедливой, если непониманием страдают люди влиятельные, властные...» — объяснял мне отец.

Только через много лет, уже сам «окунувшись» в науку, я стал понимать значение этих слов. И через много лет после того памятного разговора я узнал, что этот принцип (принцип справедливости и объективности в борьбе научных идей) помог отцу несмотря на большие сложности способствовать нормализации обстановки в Биотделении... Ряд ученых, отстаивавших новые идеи, получили тогда возможность для проведения научных исследований.

В связи с развертыванием работы по реализации медико-биологической программы в космосе новые направления помогали решать практические задачи космонавтики...

В частности, академик Н. П. Дубинин в своей книге «Вечное движение» (М., 1989) вспоминает: «После полета первого искусственного спутника Земли я обратился к главному ученому секретарю А. В. Топчиеву и его заместителю Н. М. Сисакяну и предложил им на рассмотрение план генетических исследований в космосе... Эта программа была принята, и Лаборатория радиационной генетики стала регулярным участником работ по медико-биологической программе космических исследований».

Один из физиков старшего поколения, академик М. А. Леонтович, как-то говорил мне: «Жаль, что не многие знают, а Норайр Мар-

тиросович буквально спас многих талантливых биологов и тем самым те научные направления, которые они развивали... Ему было очень трудно руководить биологами тогда. И единственным путем было сохранять выдержку, проявляя мудрость, дипломатию. Он мог “хлопнуть дверью”, но он принял на себя ответственность... и этим помог людям...»

НЕБОЛЬШОЙ ЭПИЗОД

В 1987 г. в президиуме АН СССР на заседании, посвященном памяти Нораира Мартиросовича Сисакяна, академик Евгений Николаевич Мишустин (известный микробиолог) вспоминал об участии делегации советских ученых в Международной конференции по биологическим наукам в Польше в 1950 г. Папа был главой делегации. Группу наших ученых хозяева конференции встретили лозунгами: «Да здравствует передовая советская биология: Лысенко — Бошьяна — Лепешинской!» Наши биологи испытали большое чувство неловкости...

Первым из делегации Советского Союза на конференции был доклад Нораира Мартиросовича. И ни слова не было сказано ни про Лысенко, ни про Бошьяна, ни про Лепешинскую. Доклад посвящался биохимии пластид. Это были предпосылки к возникновению молекулярной биологии. Один из членов нашей делегации не выдержал и после доклада спросил: «Ну как же без ссылок на классиков?» Папа ответил: «Если у Вас есть научные факты, подтверждающие учение “классиков”, то, пожалуйста, докладывайте». После этого лозунги были сняты, восстановилось доверительное отношение к советским биологам со стороны западных коллег. Конференция в результате прошла с большим успехом.

Е. Н. Мишустин отмечал, что надо было обладать незаурядной смелостью, чтобы так поступить в то тяжелое для биологической науки время...

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Это был звездный час —

Час, по которому узнают столетие...

Это было начало 1961 г. Года, который навсегда вошел в историю как утро космической эры. Но той весной, кроме небольшой группы причастных к космическим делам людей, никто не думал, что полет человека в космос — дело ближайших нескольких дней... нескольких трудных, но прекрасных будней так бурно стартовавшей советской космонавтики.

Только что был запущен очередной искусственный спутник Земли. К стартам спутника с четвероногими пассажирами на борту стали привыкать, хотя каждый такой полет встречали с радостью и с волнением следили за его результатами. . .

После рабочего дня отец пришел домой не один. Мама не ждала гостей, поэтому к «экстренной» организации ужина был подключен и я (очень занятый в ту пору девятиклассник). Гости, Владимир Иванович Яздовский, Василий Васильевич Парин, Олег Георгиевич Газенко, и отец были в приподнятом, но деловом настроении. Тогда их имена уже стали мелькать на страницах отчетов о пресс-конференциях, посвященных запуску четвероногих космических путешественников. Но никто не знал в тот момент об их причастности к разработке и осуществлению программы подготовки к полету человека в космос. Тайной было и то, что папа руководил работой комиссии по проверке готовности космонавтов к полету.

Из обрывков услышанной беседы я понял, что в программе последнего запуска есть что-то необычное и очень важное. Произносилось имя Иван. Было понятно, что этот «Иван» как-то связан с последним полетом. У меня аж сердце зашло от восторженного предчувствия. Неужели свершилось?! Мы же тогда не знали, как это должно произойти.

В разговоре за столом часто мелькало: «Надо посоветоваться с Сергеем Павловичем. . .», «Доложим Мстиславу Всеволодовичу. . .» Тогда имена Королева и Келдыша не были известны даже под условными «ширмами» Главного конструктора и Теоретика космонавтики. Помню, что после ухода гостей папа позвонил таинственному Мстиславу Всеволодовичу и коротко условился с ним о встрече. Это позже их с отцом свяжет крепкая и суровая дружба — союз единомышленников, рыцарей науки, и мне не раз посчастливится видеть у нас дома легендарного Келдыша и даже испытать его теплое расположение.

Перед сном папа зашел ко мне в комнату, чтобы убедиться, что из-за гостей его сын не забросил уроки. Я уже лежал в постели. Он ласково потрепал меня по щеке и пожелал спокойной ночи. Сгорая от любопытства, хотя у нас в семье отнюдь не было принято задавать отцу лишние вопросы, я набрался смелости и спросил про таинственного «Ивана». Папа засмеялся и ответил: «Я знаю, что ты умеешь хранить тайну, поэтому скажу тебе: на последнем спутнике есть опытный образец кресла космонавта, которое занял макет, в шутку названный Иваном Ивановичем». . . «Значит, уже скоро?» — затаив дыхание, спросил я шепотом. Папа улыбнулся и, опять потрепав меня по щеке (он по-доброму подсмеивался над моей тягой к стихотворству), дипломатично ответил: «Пора, пора сочинять стихи. . .». «Папа, — прошептал я несмело, — я бы очень хотел узнать об этом пораньше. . .» Он поцеловал меня и тихо вышел.

Всю ночь я не мог заснуть, и в результате родилось вот такое стихотворение:

... Голубая ракета стоит,
Голубая ракета молчит,
Только сердце его стучит,
Только сердце его стучит.
Он волнуется, но уверены
И спокойны его движения,
Знает он, что все проверено,
И вернется он, без сомнения. . .
Но внимание. . . Старт! Мгновение,
И с гигантской силой, со рвением,
Поднимая в сноп и со звоном пыль,
Из людской мечты зарождающая быль,
Утверждая мощь поколения
Продолжателей дела Ленина,
С человеком в первый космический
Взмыл корабль наш фантастический!

Может, это не так, а иначе
Начиналось. . . Да мы еще выучим,
Перечтя документы точные.
Мне хотелось бы в этих строчках
Восхититься умом народным
Нашей мощной страны свободной,
Поразиться умом человеческим
И английским, китайским, и греческим.

Космонавта первый полет —
К миру в мире скачок вперед!
Дружба, разум, мечта без предела
Будут знаменем новой эры!
Эры полного тьмы забвения,
Эры космоса покорения!

Прошло несколько дней, в хлопотах я стал забывать о том вечере и о нашем с папой коротком ночном разговоре.

И вдруг утром, а это было памятное 12 апреля, около 9 часов утра раздался звонок к директору нашей школы Анне Павловне, и меня срочно позвали к телефону. Я очень испугался, вдруг что-то случилось, но в трубке услышал спокойный и веселый голос отца: «Алеша, мой мальчик, включайте радио, сейчас передадут очень важное сообщение». Я все понял без лишних слов. Ликование и гордость охватили меня. Я начал что-то бессвязное лепетать директору школы, но она сразу поняла, что дело серьезное, и сказала: «Сейчас мы организуем трансляцию на всю школу».

. . . И мы все услышали замечательные слова, произнесенные Левитаном, сегодня известные всем. Это были самые лучшие слова, лучше

многих стихов. После этих слов мне стало неловко показывать кому-либо свои строчки, которые я как бы написал не по правилам, только в предчувствии радости, а не от самой радости. (Позже я осознал, что предчувствие счастья иногда бывает сильнее самого счастья, по крайней мере, в таком состоянии легче пишутся стихи.)

Наши ребята, Витя Саврин и Миша Негрей, не дослушав сообщения ТАСС, побежали на телестудию, благо наша школа была на Шаболовке. Начали прямую трансляцию восторженных откликов на полет Гагарина. Телекомментатор их спросил: «А как же вы во время уроков узнали, что надо слушать радио?» «Нам позвонил академик Сисакян», — с достоинством ответил Витя Саврин.

Думаю, что ни комментатор, ни зрители ничего не поняли из этого ответа. Понял только я один...

Папа не забыл нашего разговора. В этот важнейший для его работы день, в этот поистине звездный час он помнил обо мне, о моей просьбе. Это волнующе и ответственно, как прикосновение эстафетной палочки.

«ЧТОБЫ В КОСМОС ЛЕТЕЛ ЧЕЛОВЕК»

Известный космический врач академик О. Г. Газенко писал о тех памятных днях 1961 г.: «... Вспоминаю жаркую дискуссию, которая развернулась вокруг систем жизнеобеспечения космического экипажа. Часть конструкторов и медиков считала, что можно ограничиться более простой системой регенерации воздуха, при которой воздушная среда сильно отличалась от земной преобладанием кислорода. Однако Н. М. Сисакян и В. И. Яздовский считали, что такая система ненадежна и среда должна быть максимально близкой к земной. С. П. Королев, учитывая, что надежность гораздо важнее, чем стремление к простоте технических решений, поддержал это предложение. После испытаний на самолетах и спутниках этот способ был реализован на корабле «Восток». Лучшей оценкой прозвучали слова Юрия Гагарина при медицинском обследовании: «Дышалось легко».

Основные идеи, высказанные первопроходцами космической биологии и медицины, продолжают успешно развивать большие коллективы врачей, психологов и биологов, участвующих в космических исследованиях.

Однако все будущие успехи космической биологии и медицины, будущие победы человека в исследовании и освоении космоса берут свое начало с героического подвига Юрия Алексеевича Гагарина, подвига конструкторов, ученых, рабочих, создавших первый космический корабль, подвига медиков и биологов, создавших условия, чтобы в космос летел человек... »

ПИСАТЕЛЬ

Писатель Олег Писаржевский:

«"Лучшее украшение ученого — это его труды", — говорит восточная мудрость. Но когда я думаю о Норайре Мартиросовиче Сисакяне (хотя трудов у него около четырехсот!), на первом плане в моем сознании возникают не ученые фолианты, которые всегда внушают к себе уважение, но бывают порой так безжизненно сухи. . . . Перед глазами встает облик простого и обаятельного человека. Вот он встает со своего места, выходит вам навстречу из-за своего стола — пышно-академического стола, украшенного бронзовыми фигурами конца прошлого века. На вас устремлен лучистый взгляд добрых и в то же время строгих глаз. Взгляд внимательный, доброжелательный и располагающий. И вы забываете о том, что находитесь в кабинете одного из руководителей президиума Академии наук, у которого в руках сосредоточены нити сложного и тонкого управления развитием биологических знаний в стране. Вы уже думаете о том, что перед вами ученый, чья известность далеко перешагнула не только границы его родины, но и всего Советского Союза. Вы покорены его искренним и неподдельным вниманием к вопросу, с которым к нему пришли. Он смотрит на вас с испытывающим, жадным, но не навязчивым интересом. "А ну-ка, — говорит этот взгляд, — что неожиданного, нового ты принес? Что хорошего я узнаю и чем могу пригодиться тебе?"

Беседа закипает легко и быстро, как котелок на горном костре. Сисакян предпочитает слушать, а когда говорит, его фразы точны, закончены, немногословны. Сказывается привычка к максимально экономному и точному выражению своих мыслей, столь характерная для ученого.

Ученого!.. Время посеребрило виски Норайра Мартиросовича, но я представляю его таким, каким впервые увидел много лет назад, когда молодой аспирант с тем же спокойным достоинством рассказывал о своих первых трудностях и первых победах. Мне вспоминается колоритная повесть о его жизни со многими подробностями, в которых так ярко проявилась судьба его поколения. Поколения, созданного революцией, выросшего в чистой и благодатной атмосфере дружбы народов».*

СЫН

Этот день я запомнил очень хорошо: тройки на экзаменах я получал нечасто. А это была последняя тройка, о которой еще знал папа.

---

* Писаржевский О. Дружба. М., 1960.

Он очень радовался успехам своих детей, нашим успехам. Недавно я нашел письмо, которое он прислал в сентябре моего первого в жизни учебного года.

«... Твое письмо меня очень обрадовало. Еще больше меня обрадовали твои отличные отметки. Чтобы знать, нужно учиться на отлично, а чтобы учиться на отлично, необходимо неустанно трудиться»...

Обычно на мои неудачи папа реагировал двумя-тремя словами, но сердитое выражение глаз было самым тяжелым наказанием. «Я бы так не поступил», — как будто говорили его глаза.

А в этот день папа пришел домой обедать в том настроении, которое у него было, когда на работе не все в порядке. Чуть-чуть медлительнее в движениях, а выражение лица как будто замкнутое, сосредоточенное, немного суровое.

Как всегда, он быстро поел и уже готовился уходить. А я напряженно ждал, соображая, какие же два-три слова упрека получу я сегодня за свою тройку, или, может быть, папа, погруженный в свои мысли, совсем забудет про меня. Хотелось бы, чтобы забыл. Но папа никогда ничего не забывал.

Когда я вышел из своей комнаты, чтобы сказать ему «до свидания», папа поцеловал меня, ласково потрепал меня по щеке и сказал мягко, негромко, но твердо (так умел говорить только он): «Мы сегодня тоже потерпели неудачу, но мы не огорчаемся, потому что знаем теперь, где наш просчет. Это в следующий раз поможет добиться успеха. Если ты после сегодняшней неудачи знаешь, что тебе нужно делать, чтобы не повторить ошибку, то считай, что такую неудачу можно поставить на одну ступеньку с победой».

У меня стало легко на сердце, потому что папа, как никто другой, сегодня понял меня.

Через некоторое время у папы и его товарищей был успех!

ЕГО МЫСЛИ

Никто никогда не узнает: подумал ли Сисакян о смерти в свой последний час? Можно только быть уверенным, что ученый, гуманист и человек твердой воли, он в любом положении встретил бы ее с достоинством.

Как биохимик он сознавал неотвратимость смерти, знал, что смерть — это биологическое продолжение жизни. Но он любил от всей души нормальную, человеческую, обычную жизнь и в вопросах о продлении жизни людей не мог не быть яростным оптимистом. Верил и не раз говорил: «Человек может, человек должен жить 100–200 лет!»

Он был уверен в торжестве разума, в торжестве науки, и уверенность его не была беспочвенной. Сисакян сам — труженик и рыцарь разума и науки. Эти две силы должны помочь людям справиться

со смертью от войн и болезней, которые будут побеждены. «Жизнь победит смерть!» — утверждал с высокой трибуны Сисакян-биолог, Сисакян-оптимист. . .

Характерны две странички из его записной книжки. Он записывал слова учителя, слова Алексея Николаевича Баха. Первая страничка:

«Доживаю последнее, а доживать хочу, не лежа в кровати, а стоя».

А. Н. Бах. 1 октября 1938 г. (Баху — 81 год)

«Знайте, что нам нужны такие кадры, чтобы они всей своей жизнью были преданы делу науки. . . »

1937 г.

Вторая страничка:

— Вы счастливый человек.

— Почему, Алексей Николаевич?

*— Потому что вы еще увидите то, что будет через десять лет.
Октябрь 1944 г. (87 лет)*

Он, Норайр Мартиросович Сисакян, отягощенный большими работами и звучными академическими титулами, мог, поздно закончив дела, как озорной мальчишка, устроиться на подоконнике своего кабинета и смотреть кино, которое показывали неподалеку в парке, в Зеленом театре. Он мог с легкостью юноши пройти 15 километров, лишь изредка останавливаясь, чтобы вытереть платком влажный большой лоб. Мог плавать часами в море. Он умел радоваться всему прекрасному, всему живому вокруг, любил доставлять радость людям. . .

Придя с воскресной прогулки, он подолгу с восторгом рассказывал о лебедях, плавающих в тенистом парковом пруду, у которых появились лебедятки, о том, как дети кормят их хлебными крошками, о повадках лебедей, о характере каждого из них.

В один из последних вечеров, придя после утомительного заседания, он поглядел в окно, за которым медленно кружились снежинки, и сказал грустно, как о мечте, которой не суждено осуществиться: «Хорошо сейчас, наверное, в лесу. . . »

Норайра Мартиросовича нет в живых. Он ушел, повинувшись законам природы, природы, изучению которой он посвятил себя. Но его дела, неподвластные смерти, его светлая душа остались на этой земле, в нашей прекрасной жизни, которую Он так любил.

Он — мой отец.

Восточная мудрость гласит: «Человек жив, пока его помнят».

Так давайте помнить и жить — это нужно для грядущих поколений, для возрождения. . .